

ЦИКЛИЗАЦИЯ ПРОЗЫ А. И. КУПРИНА. ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ЦИКЛ

Н. Ф. СОЦЕНКО. ЦИКЛІЗАЦІЯ ПРОЗИ О. І. КУПРИНА. ЧИТАЦЬКИЙ ЦИКЛ.

У статті досліджується читацький (вторинний) цикл, який складається з семи творів О. І. Купріна, що були написані протягом двадцяти років. У результаті аналізу цих творів було встановлено, що наскрізний образ письменника або журналіста, мотив літературної творчості, композиційні елементи та інтонаційний малюнок настрою імпліцитного автора об'єднує ряд окремих творів у цикл. У статті показано вільний, незамкнений характер циклів Купріна.

Ключові слова: мотив, вторинний цикл, імпліцитний, експліцитний автор.

Н. Ф. СОЦЕНКО. ЦИКЛИЗАЦИЯ ПРОЗЫ А. И. КУПРИНА. ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ЦИКЛ.

В статье исследуется читательский (вторичный) цикл, который состоит из семи произведений А. И. Куприна, написанных на протяжении двадцати лет. В результате анализа этих произведений было установлено, что сквозной образ писателя или журналиста, мотив литературного творчества, композиционные элементы, а также интонационный рисунок настроения имплицитного автора позволяют объединить отдельные произведения в цикл. В числе связующих элементов цикла обнаружен и мотив сочинительства произведений различных жанров персонажами чаще с целью пародирования. В статье устанавливаются близнечные тексты с зеркальным сюжетом, которые входят в состав различных циклов, а также показывается свободный, незамкнутый характер циклов Куприна и условия изменения структуры отдельного цикла. Кроме того, в статье утверждается, что циклизация произведений Куприна является перспективным направлением дальнейшего изучения его творчества.

Ключевые слова: мотив, вторичный цикл, имплицитный, эксплицитный автор.

N. F. SOTSENKO. CYCLIZATIONS OF PROSE BY A. I. KUPRIN. THE READER'S CYCLE.

In this article the choice of a subject of a research stipulates and connection with conclusions of scientists of the Soviet and Post-Soviet period is established. The author of this article investigates a reader's (secondary) cycle which consists of seven works by A. I. Kuprin written for twenty years. As a result of the analysis of these works has been established that the character sketch of the writer or journalist, is cyclobinding. In turn, the character study of the writer or journalist, allows to create mini-cycles on the basis of an antithesis: the beginning writer – the venerable writer. In the specified article it is shown that the motive of writing in different degree reflected in seven works is also a binding element of the cycle. And also, various function of this motive is shown in all works of a cycle. In this article works which can form nonlinear structure of a cycle, in which authors are not only professional writers, but also heroes of various professions and social groups of society are called. From seven works of the specified cycle in more detail in article is analyzed the miniature «The evening guest» and the story «Grunya». Is established that the story «Seasickness» from a paschal cycle is the twin text of the story «Grunya» with a mirror plot. In addition the freeway of cyclization by A. I. Kuprin's works based on an avtointertekst of various elements (the quote, motive, achronotope) is presented in article. Also not closed character of cycles of Kuprin, and a condition of change of structure of a separate cycle reveals in article. Besides in article it is claimed that cyclization of works of A. I. Kuprin on the basis of the revealed binding motives is distinctive sign of poetics of the writer and the perspective direction of a further research of his creativity for understanding of the uniform semantic field.

Keywords: motive, secondary cycle, implicit, explicit author.

© Н.Ф. Соценко, 2017

<https://doi.org/10.5281/zenodo.1036290>

Литературный процесс конца XIX – начала XX века представляется сложным, ярким и многообразным. Об этом пишут исследователи разных лет. В 30-е годы XX века Н. Кравцов отмечает: «С конца XIX века русская литература ... принимает новый характер. Существовало, казалось, одно лишь литературное направление, объединявшее ... небольшую группу писателей – символизм <...> каждый по-своему работал над созданием индивидуального стиля, а не общего <...> прозаики не составляли школ, не принадлежали ни к одному направлению <...>. Каждый выступал особо ... [2, с. 94, 96]. Через шестьдесят пять лет С. Н. Тяпков подчёркивал, что «...изучение литературного процесса конца XIX – начала XX века ... выявило необычайную пестроту ... и сложные противоречия в литературе того времени, что требует разноаспектного и комплексного подхода к её дальнейшему осмыслению» [8].

Традиционно в творчестве Куприна выделяется два цикла – «Киевские типы» (1895) и «Листригоны» (1907–1910), а другие произведения рассматривались в хронологической последовательности и анализировались изолировано друг от друга. Однако следует отметить, что мысль о циклизации прозы Куприна была высказана советскими литературоведами, но не получила должного внимания. Кулешов объединяет десять рассказов и пишет, что «данью “болезненной психологии” явился цикл ранних рассказов, которые условно можно назвать психологическими новеллами» [6, с. 93], и выделяет «тематически родственный цикл о Полесье» [6, с. 175]. Афанасьев также называет несколько циклов разного периода: «цикл рассказов о революционерах “Мелюзга”, “Попрыгунья стрекоза”» [1, с. 87, 88], «...цикл рассказов..., посвящённых спортсменам и артистам цирка “Блондель”, “Дочь великого Барнума”, “Ольга Сур”» [1, с. 132], «цикл очерков “Париж домашний”, серия очерков “Мыс Гурон”» [1, с. 135] и читательский цикл на основе композиционного единства, но подробно не анализирует его: «...есть большая группа лирико-философских миниатюр, написанных в 1904 году и составляющих как бы единый, проникнутый общим настроением цикл. Все входящие в цикл миниатюры – “Бриллианты”, “Белые ночи”, “Пустые дачи”, “Вечерний гость” – строятся по одному и тому же принципу: отталкиваясь от конкретных жизненных наблюдений, автор переходит к размышлениям о ... роли случая в жизни человека» [1, с. 49].

В статье современного литературоведа С. Ташлыкова рассматриваются два цикла произведений Куприна – «Маленькие рассказы» и «Рассказы в каплях», созданные в 1904 и 1920 годах.

Циклизацию прозы Куприна Ташлыков объясняет особенностями жанра миниатюры: «...писатель должен ... создать цикл миниатюр – ... жанровое образование, позволяющее ... выразить целостность мирозерцания» [7]. Современный исследователь пишет об активизации сверхмалого жанра миниатюры в конце XIX – начале XX века и о значительном месте этого жанра в творчестве Куприна, а также указывает ряд признаков, характеризующих жанр миниатюры [7].

Далее исследователь отмечает, что рассказ «Вечерний гость» куприноведы (В. Афанасьев, Н. Лукер) включают в цикл «Маленькие рассказы» (1904). Опровергая мнение В. Афанасьева, он высказывает предположение, что «Вечерний гость» «...был первым, а не завершающим цикл рассказом» и предлагает включить в цикл из четырёх произведений «Брильянты», «Пустые дачи», «Белые ночи», «Вечерний гость» и ещё рассказы «Угар» и «Жидовка» [7]. То, что Ташлыков нашёл убедительные основания для изменения структуры цикла, подтверждает справедливость нашей мысли о мотиве как основополагающем элементе циклизации прозы Куприна и о мотивности всей прозы писателя [10].

Цель данной статьи – показать различные способы связи между произведениями разных лет и свободную структуру циклов Куприна.

Мы предлагаем включить миниатюру «Вечерний гость» в читательский цикл, который состоит из семи произведений, написанных в разное время: «Кляча» (1896), «Первенец» (1897), «По заказу» (1901), «Вечерний гость» (1904), «Травка» (1912), «Груня» (1916), «Интервью» (1916), героями которых являются писатели и журналисты. В этот цикл могут быть включены фрагменты произведений «Штабс-капитан Рыбников» (1906), «Яма» (1909), «Юнкера» (1928–1932), объединённые мотивом сочинительства и героем-писателем, журналистом.

В указанном читательском цикле образ литератора является циклосвязующим: писатель Пашкевич, публицист местной газеты Антон Захарович Васютин и журналист без имени («Кляча»); писатель-рассказчик без имени, т. е. лирический герой миниатюры «Первенец», фельетонист, «...газетный волк» Илья Платонович Арефьев («По заказу»); человек перед ослепительно белым листом бумаги на столе («Вечерний гость»); «беллетрист из средних» и редактор («Травка»); «молодой писатель Гуцин» и «великий Неежмаков» («Груня»); «известный драматург Крапивин» и сотрудник газеты Бобкин («Интервью»).

Произведения данного цикла можно группировать и по принципу возрастной антитезы героев: молодой, начинающий писатель («Кляча», «Первенец», «Груня») и маститый писатель с именем («По заказу», «Травка», «Интервью»).

Связывает этот цикл и то, что герои входящих в него произведений являются сочинителями литературных творений, причём процесс сочинения в разной степени и форме воспроизводится писателем в каждом произведении. Объясняя необходимость в героелитераторе, сошлёмся на открытие Тынянова: «Достоевский настойчиво вводит литературу в свои произведения; редко действующие лица не говорят о литературе, ... удобный пародический приём» [8].

Персонаж «Клячи» Васютин сочиняет речь, которую он произнёс бы на кладбище, в форме басни и в жанре «житийной» литературы. Чеховский контекст («никогда я не совал своего носа в литературу и в политику ..., не читал речей ни на обедах, ни на могилах своих товарищей...») [12, с. 7]) лишает образ однозначного положительного прочтения. Антитеза «Я» и «...лицемеры проклятые» снимается автором с помощью интертекстуальных связей.

Опытный писатель без имени («Первенец») якобы вспоминает сюжет своего первого произведения, а на самом деле пародирует сюжеты романтических романов и повестей, даёт юмористическую оценку поэзии, чрезмерно увлечённой гражданскими мотивами, и представляет шаржированный портрет поэта-демократа. В основном тексте миниатюры передаётся эмоциональный опыт молодого человека, испытавшего ощущение первой славы.

Фельетонист Арефьев не только пародирует «шаблонные фразы “дамских повестей”» [4: III, с. 25], штампы романтической литературы: «незнакомец, широкий плащ, шляпа с пером, шпага», «чувствительные рассказы» [4: III, с. 26], сюжеты пасхальных и рождественских рассказов, но и сам, пережив катарсис, пишет пасхальный рассказ, о содержании которого читатель может только догадываться.

Беллетрист, «который не гонится ни за успехом, ни за модой, ни за деньгами ...» [4: V, с. 283], из миниатюры «Травки» устно сочиняет пасхальный рассказ, «наивный, простой и ласковый» [4: V, с. 288], который, вероятно, будет «слеплен» и отослан в газету, поэтому эти два произведения включены нами в пасхальный цикл Куприна [11].

Сотрудник газеты «Сутки» Бобкин выдумывает интервью, якобы взятое им у известного драматурга Крапивина, в котором соответствует действительности только факт посещения драматурга журналистом.

Миниатюра «Вечерний гость» имеет имплицитного автора, создавшего пародийное символистско-импрессионистическое произведение с использованием мотивов таинственных повестей И. С. Тургенева и Л. Андреева: любовь, судьба, стихийная случайность. Эксплицитный автор, сидя за письменным столом, воссоздаёт ход своих мыслей, неизвестно как, кем и когда записанным на бумагу: «Между его стуком и моим восклицанием не прошло и секунды, но мысли, которые пронесли за этот короткий промежуток в моей голове, приподняли уголок завесы над какой-то чёрной бездной...» [5: III, с. 296].

В рассказе «Груня» представлено два устных описания боя. Первое воссоздано в духе героического эпоса со смешением высокого и разговорного стилей: «Гуцин думал: “...сейчас начнётся захватывающее: визг бомб, бубуханье шрапнелей, татаканье пулемётов, знамя, пламенная, короткая, как блеск молнии, речь офицера, бешенное “ура”, упоение битвы...”» [4: VI, с. 426]. Автором второго является поручик из числа людей, «которые ... терпели то, что превышает пределы ... человеческой выносливости...» [4: VI, с. 426]: «...офицер говорил...: “А они нас ... из пулемёта ... точно кто ... стегнул ... стальным хлыстом... Я добежал. Не испугался. ... Просто обалдел. ... Перекрестился и скок через черту. ... Но я обо всём этом

вспомнил тогда, когда мы уже взяли окоп...» [4: VI, с. 426]. Беспартийный рассказ участника боя является аллюзией к произведениям Л. Толстого и В. Гаршина.

Композиционной особенностью рассказа «Груня» также становится наличие антитечной пары: имплицитного и эксплицитного автора. Писатель, не представленный в рассказе как персонаж, является настоящим героем рассказа. Он находит интересным в оружающем мире всё и изображает ряд пейзажных картин, серию портретов: раненого поручика «с офицерским георгием» [4: VI, с. 425] в вагоне, колоритную фигуру дяди девушки «в чёрном монашеском платье» и саму девушку на палубе [4: VI, с. 428–429], воссоздаёт индивидуализированную речь безмянных попутчиков, дежурного матроса, парходного лакея, описывает «серый, мужичий ... разговор» [4: VI, с. 427], «волжскую и приволжскую ругань» [4: VI, с. 430], разговор Гущина с Аграфеной.

Мнимым героем, трикстером является в рассказе писатель Гущин, который «в природе и в людях ничего не находит интереснее, значительнее и красивее себя» [4: VI, с. 424] и не в состоянии оценить описание боя, представленное офицером.

Для создания сатирического образа псевдописателя, который «сумел пристроить в еженедельники три новеллы, ноктюрн, два психологических этюда, сюиту (он и сам не знал, что значит это слово) и ... сонет в двадцать четыре строчки» [4: VI, с. 423] (курсив мой. – Н. С), а записную книжку использует для записи своих расходов, а не наблюдений из жизни, Куприн прибегает к инварианту образа Хлестакова. Гущин, подобно герою Гоголя, не мог «остановиться ... в истерическом лганье» [4: VI, с. 425]. Однако в конце произведения Гущин оказывается способен к самоанализу («...от сознания того, что он такой бессильный, трусливый, скупой, гаденький, бездарный и глупый и что нет у него ни воли, ни желаний» [4: VI, с. 434]); отношение к нему «Кудеяра» и лакея вызывает не гнев, а сочувствие имплицитного автора.

В жанровом отношении это произведение представляет некий гибрид. В жанр путевого очерка, позволяющего рассказать о поездке Гущина в родную деревню к отцу, чтобы «наблюдать жизнь» [4: VI, с. 425], а на самом деле насладиться славой («приятно щекотала мысль показаться ... поповнам» [4: VI, с. 424]), Куприн вставляет новеллу анекдотического характера в духе Боккаччо («Мысль о том, что рядом ... пустая каюта ... была нестерпимо волнующая; <...> как приступить? ... Схватить шутя за грудь? <...> Вдруг тяжёлые шаги послышались... Гущин оторопел, сердце ... затрепетало, как живой воробей <...> Кудеяр ... хлопнул Гущина ладонью по затылку. <...> в ...глазах ... писателя запрыгали красные звёзды...» [4: VI, с. 432–433]). В рассказе «Морская болезнь» похожая ситуация представлена в драматическом ракурсе: «Моя каюта остаётся ... свободной. Не побрезгуйте ... <...> в голосе его слышалась слепая, томная страсть. <...> он ... зажал ей рот. <...> Вы сделали хуже, чем убийство» [4: V, с. 72, 74, 75]. Вследствие этого «Груня» является двойником-перевёртышем, близнечным текстом «Морской болезни» (1908). В рассказе «Груня» Куприн воссоздаёт юмористический вариант событий на теплоходе и зеркально меняет поведение мужчины и женщины.

Учитывая различные циклообразующие мотивы при наличии зеркального сюжета, эти произведения мы рассматриваем в разных циклах. Пародийный фрагмент в композиции и то, что Гущин, герой произведения «Груня», считает себя писателем, даёт основания включить этот рассказ в цикл о писателях, а «Морскую болезнь» – в пасхальный.

В зависимости от выбора связующих элементов миниатюра «Травка» входит в состав двух неавторских циклов. Общий хронотоп (действие происходит в «...разгар пасхального сезона» [4: V, с. 61]) и соотнесённость названия миниатюры «Травка» с фамилией героини «Травина» из рассказа «Морская болезнь» позволяет рассматривать эти произведения в едином цикле. Однако мотив «слепой страсти» и тип личности героев (Кашперова и помощника капитана) позволяет соотнести «Морскую болезнь» с повестью «Впотьмах» (1893) и на мотивной основе создать другой цикл. Это наблюдение подтверждает мысль о том, что в произведениях Куприна многократно пародийно варьировались мотивы символистской литературы «земного сладострастия» и романтического томления о Прекрасной Даме.

Рассказ «Морская болезнь» вне цикла пасхальных рассказов лишается авторской концептуальной направленности, поэтому в литературоведении он не нашёл адекватного

прочтения, а остался «...заурядным “пароходным” анекдотом» [1, с. 94] или рассказом в духе Арцыбашева. В пасхальном цикле же он относится к той группе рассказов, где Куприн изображает индифферентность человека к христианскому учению, власть плоти и победу плоти над духом.

Мотив сочинительства позволяет объединить в мини-цикл произведения «Лунной ночью» (1893), «Сказка» (1896), «Гранатовый браслет» (1911), «Груня», так как в них явными и невыраженными сочинителями выступают не профессиональные писатели (это даёт автору возможность пародировать, нарушать жанровые каноны, экспериментировать). В рассказе «Лунной ночью» учитель математики имплицитно сочиняет пародию на романтические произведения под названием «Сладострастие и смерть», по мотивам фольклорной волшебной сказки художник Холщевников («Сказка») создаёт авторский вариант под названием «Моя жизнь» [10], князь Василий Львович («Гранатовый браслет») сочинял сатирические рассказы и две «брачные истории» в жанре «анекдота» [4: V, с. 218–219]. Описывая способность князя рассказывать истории («Он брал в основу рассказа истинный эпизод, где главным действующим лицом являлся кто-нибудь из присутствующих или ... знакомых, но так сгущал краски...» [4: V, с. 212]), полагаем, что Куприн вполне серьёзно говорит об особенностях собственного творчества, подмеченных литературоведами: «Автобиографичность многих произведений Куприна ... хорошо известна. ... когда Куприн “плавал против автобиографического течения”, он переходил в “течение биографическое”, т. е. обрабатывал факты из биографий известных ему лиц..., в уста многих героев он вкладывал свои мысли..., свою манеру говорить» [3, с. 163, 165, 168].

Если взять за основу мотив «варианты человеческой жизни», то возможно создать мини-цикл из произведений «Столетник» (1895), «Жизнь» (1896), «Кляча» (1896), «Собаچه счастье» (1896), где Куприн экспериментирует с жанрами сказки, притчи, рассказа, новеллы. Ближайшими претекстами этих произведений можно считать сказки Гаршина, в частности «*Attalea princeps*» (1880), которая была напечатана в журнале «Русское богатство» с подзаголовком «Сказка». В ней Гаршин использовал автоинтертекстуально стихотворение «Пленница» (1876). Жанр сказки позволял Куприну создавать образы максимальной степени обобщённости.

Цикл о писателях, как и все читательские циклы Куприна, имеет незамкнутую структуру. С изменением основного мотива «писатель – литература – творчество» структура цикла может измениться. Так, мотив сладострастия объединяет произведения «Лунной ночью», «Впотьмах» (1893), «Морская болезнь», но мотив сочинительства позволяет включить эти произведения и в цикл о писателях.

Представляется перспективным для дальнейшего изучения творчества Куприна объединение его произведений в циклы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В. Н. Александр Иванович Куприн: критико-биографический очерк. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Худож. лит. 1972. 172[3] с.
2. Бегак Б., Кравцов Н., Морозов А. Русская литературная пародия [Вступ. ст. А. Цейтлина и Л. Гроссмана]. М.–Л. 1930. 259 с.
3. Берков П. Н. Александр Иванович Куприн. Критико-биографический очерк. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 1956. 191[4] с.
4. Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. [под наблюдением Э. М. Ротштейна и П. Л. Вячеславова; примеч. И. П. Питляр [и др.]; вступ. ст. К. Чуковского]. М.: Правда. 1964.
Т. 1: Произведения 1889–1896. С. 462–467.
Т. 2: Произведения 1896–1900. С. 89–94.
Т. 3: Произведения 1901–1905. С. 23–34.
Т. 5: Произведения 1908–1913. С. 59–84; С. 283–289.
Т. 6: Произведения 1914–1916. С. 417–435.
5. Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература. 1971.
Т. 3: Вечерний гость. С. 294–298.
6. Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна. Мн. 1963. 535 с.

7. Ташлыков С. А. Жанр миниатюры в творчестве А. И. Куприна [Электронный ресурс]. Иркутск: ИГУ, 1996. Режим доступа: <http://filold.in-site.ru/miniatura.html>.

8. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино / [Электронный ресурс]. М. 1977. С. 198–226. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/tyunyanov/pilk/poet1.htm>.

9. Тяпков С. Н. Русская литературная пародия конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/russkaya-literaturnaya-parodiya-kontsa-xix-nachala-xx-veka#ixzz4nIensWRB>.

10. Соценко Н. Ф. Интертекстуальность прозы А. И. Куприна 1890–1900-годов: дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.02. Харьков. 2008. 210 с.

11. Соценко Н. Ф. Несобранные циклы А. И. Куприна: пасхальный цикл // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. Сер. Філологія. Вип. 75. Харків. 2016. С. 56–61.

12. Чехов А. П. Скучная история // Чехов А. П. Повести. Пьесы. М.: Правда. 1987. С. 7–64.

(Статья поступила в редакцию 5 октября 2017 г.)